

— Третий, сколько он потратил по карте?

— Три тысячи семьсот.

— А долги?

— Банку — две тысячи триста, частным кредиторам — пять тысяч.

Юн Тэ О медленно подошёл к Ким Дэхёну, который валялся на полу, заливаясь слезами и кровью. Присев на корточки, он поймал его взгляд.

— Если нужны были деньги, надо было сказать.

— Хрр... Хён... Больно...

Может, Ким Дэхён ошибся, приняв его голос за заботливый. Для меня же этот голос был настолько холоден, что мороз по коже пробежал. А Дэхён, будто обиженный ребёнок, начал жалобно ныть.

— Не раскаиваешься, значит.

— А-а-а-а!

Юн Тэ О схватил его за разбитый нос и с силой сжал. Казалось, он собирался проломить ему лицо. Я отвернулся — кровь уже залила весь пол, а лицо Ким Дэхёна невозможно было узнать.

— ...Ух...

Меня подташнивало, но я изо всех сил пытался не показать этого.

— Я... я был не прав... ай! Хён, пожалуйста...

— С какого хрена я твой хён? У нас что, кровь смешалась или постель общая была?

— Простите... простите...

Дэхён бормотал извинения, а Юн Тэ О, будто решив проявить милость, поднялся. К нему быстро подбежал Кан Сок Хо, протянув платок, чтобы тот вытер руки.

— И ещё, Тэхён, ты не тому извиняешься.

Бух! — от удара тело Дэхёна снова врезалось в пол. Его лицо под каблуком Юн Тэ О теперь и вовсе было не узнать.

— Безднадёжный. Разберитесь и возвращайтесь домой.

— Есть, директор.

Юн Тэ О вытер каблуком его щёку, достал сигарету и закурил. Он даже не уточнял, кому именно адресует слова, но Сок Хо ответил — значит, решение по Дэхёну принято.

— Чего ждёшь?

— Что?

Я растерялся, когда понял, что вопрос обращён ко мне. Подбежал к нему, не понимая, зачем.

— Поехали, секретарь Ким.

— А... да.

Я отшатнулся, когда он положил руку мне на плечо.

—Что это было?

Вот дурак... Опять забыл, что сейчас нельзя перечить. Увидев, как его лицо криво усмехнулось, я судорожно начал соображать, что сказать.

— Ч... часы... надо забрать. И пиджак тоже...

Фух... если бы я ляпнул, что просто брезгую его прикосновений, меня бы уже волокли те же ребята. Я схватил разбитые часы и изорванный пиджак.

— Если ещё раз эти часы покажешь мне — хуже будет.

— Но... это же лимитка, с сапфиром, за двенадцать миллионов вон...

— Секретарь Ким что-то стал слишком много высказывать, да?

— Выбросим! Конечно, выбросим! Просто я... я переживал, что вдруг вы потом захотите их найти...

Я швырнул часы на пол. Жалко, конечно, двенадцать миллионов — но своя жизнь дороже.

— Идём.

— Да...

Он подтолкнул меня к выходу. На ходу я обернулся и поймал взгляд Сок Хо. Глазами отчаянно подал знак: «Часы! Забери их! Что бы ни было — забери!» Надеюсь, этот каменный громила понял намёк.

— Директор, я же должен вести машину.

— Ты предлагаешь мне снова сесть в это дерьмо, на заднее сиденье?

— Нет... но и рядом с вами...

— Ты хочешь сидеть сзади, пока я веду? Осмелился, значит, секретарь Ким?

— ...Секретарь Пэк...

— Точно, секретарь Пэк.

Чёрт, да этот псих непредсказуем. Позади нормальная машина, охранников — целая команда, но нет, он упрямо садится за руль того самого неудобного внедорожника, который терпеть не может.

— Садись.

Голос его стал раздражённое, и я послушно прыгнул на переднее сиденье.

— Директор...

— Едем молча.

— Просто... дом в другой стороне...

— Думаешь, я не знаю, где живу? В больницу едем.

— Вы ранены?!

Я схватил его за руку, на которой ещё виднелись следы крови. Но ни царапины, ни ссадины — чужая кровь.

— ...Вы ведь целы...

— Ха... не про себя говорю, секретарь Пэк.

— А, я... я дома помажу, не беспокойтесь... то есть, спасибо...

Он выдохнул с раздражением, и я тут же осёкся. Тишина в салоне была такой плотной, что резала уши.

Хотя... говорят, что мужчина за рулём — это сексуально. Никогда так не думал, но глядя на его профиль, вдруг поймал себя на этой мысли. Чёткие линии лба, носа, крепко сжатые губы, резкий изгиб подбородка — словно картина. Сильные руки на руле, лёгкий запах табака, который вдруг показался ароматом дорогого парфюма...

— Секретарь Ким.

— Да, директор.

— Ты собираешься ещё долго это делать?

— Что... что именно?»

Он коротко взглянул на меня и кивнул вниз.

— Я спрашиваю, когда ты перестанешь мять мою руку.

Я опустил взгляд — его большая ладонь была зажата в моих двух. Пока я любовался им, пальцы сами собой её сжимали.

— Простите! Простите!

Кажется, я сегодня не доживу до утра. Он снова выдохнул — долго и устало... И кто знает, действительно ли мы едем в больницу, а не в какое-нибудь глухое место.

□ □ □

— Говори.

— Что?

Вернувшись домой, Юн Тэ О снял пиджак и небрежно повесил его на спинку дивана. Галстук швырнул на стол. Потом сел, локти на колени, руки в замок, и уставился прямо на меня.

— Ты мне объяснишь, что это было? Я ведь сказал: в больницу и потом отдыхать дома.

— Простите...

— Ты меня за тупого держишь? Я сказал объясниться, а не извиняться.

Чёрт... страшно. Я надеялся, что он всё спустит на тормозах, но сейчас он выглядел ещё холоднее, чем в клубе. Пальцы дрожали, и я спрятал сцепленные руки за спину.

— Дело в том... что мне позвонили и сказали, что Ким Дэхён пропал... я пошёл его искать.

— Чья команда?

— Второй отдел секретариата... но это не приказ, просто просьба о содействии.

— Бардак. С каких это пор секретари бегают без моего ведома?

Вот что пугает в нём больше всего — эта холодная, острая логика. Не зря он в своём возрасте уже управляет миллионами.

— Но ведь... вы же потом сами позвонили и сказали: “Притащите Дэхёна немедленно”...

— Ты сейчас хочешь поспорить? Если бы я что-то приказал, ты мог бы подключить охрану или свободных секретарей. Значит, теперь я должен контролировать даже то, как ты дышишь, да?

В голове пронеслось: «Всё, конец...» За всё время, что я здесь, он никогда так долго не говорил.

— Простите...

— Слова — это одно.

Ну конечно... просто так он меня не отпустит.

— Приму любое наказание...

— Любое, говоришь?

На вопрос Юн Тэ О я поднял голову, которую до этого держал опущенной под углом в сорок пять градусов. Причиной стал голос, в котором, как ни странно, звучала насмешка.

— Да на лице у секретаря Кима же написано: «Ах, черт, только бы не получить никакого наказания».

...Что за хрень, с каких пор этот ублюдок стал таким пронизательным...?

— Но так это не закончится. Ты же знаешь, что неповиновение приказу я не прощаю.

— ...Да...

Ну, вот и всё. Ладно, ублюдок, давай обойдёмся тем, что я отрежу тебе руку, и на этом закончим. На душе даже полегчало.

— Будешь отстранён.

— Простите...?

— Отстранён, говорю. Пока все раны не заживут, даже не думай показываться из дома.

Голос был строгим, холодным, тяжёлым. Но... смысл сказанного какой-то странный, нет? Это что, он сейчас... отпуск мне дал?..

<http://bllate.org/book/14451/1278032>